

Записки генерала Колачковского о войне 1812 года

Военно-исторический сборник. / Предисл. и пер. К. Военского. - 1911.

Записки генерала Колачковского о войне 1812 года. [2] (<https://vivavidi.sir.ru/iss000022902/view?page=1>)

/ с.28-30 /

СМОЛЕНСК (16-18 августа 1812)

5-го (17-го) августа рано утром, войска V корпуса, отдохнув, стали в ружье, в парадной форме, и до 9-ти часов утра ожидали приказа. В этот час прибыли адъютанты и сообщили князю Понатовскому приказ императора.

Пятый корпус двинулся вперед в сомкнутых колоннах; кавалерия скрывала это движение на правом крыле и отбросила неприятельские посты, расположенные вдоль Днепра. Мы встретили императора, который бодро приветствовал нас и приказал в его присутствии произвести перемену фронта таким образом, чтобы правым крылом подойти к Днепру.

Это движение вышло не особенно гладко. Наполеон рассмеялся, виде ошибки, и сказал: «Это молодые войска».

Затем он подовал князя Понатовского и, указав ему пункт атаки, поручил вытеснить неприятеля из Днепровского предместья и угрожать неприятельским мостам.

Это приказание было исполнено. Генерал Зайончек, с полковыми 3-м, 15-м и 16-м полками, приблизился на картечный выстрел к правому берегу и приказал своим стрелкам спуститься вниз. Вскоре началось сильный ружейный огонь.

В то же самое время 18-й дивизии начала со стороны Днепра атаку предместья Рачинки. Артиллерия V-го корпуса, под общим начальством генерала Пекельтца, в числе 42 орудий, заняла позицию на возвышенности на правом фланге, чтобы открыть мосты и обстреливать противный берег, на котором по близости маленькой церкви, были расположены русские тяжелые батареи. Между нашими и русскими батареями завязался сильный огонь. Палили люди и лошади, сменялись разбитые лафеты, орудийные передки и зарядные ящики взлетали на воздух. Действительно, это была прекрасная картина! На левом фланге нашей батареи остановились король Неолитанский и князь Понатовский, разговаривая между собой самым непринужденным образом, как будто бы их не осыпал град пуль. Этот огонь продолжался два часа, потом стал затихать и с той и с другой стороны. В это же время шла атака нашей пехоты. Неприятельские стрелки были вытеснены из берега и из Никольского предместья, а полки 16-й дивизии вытеснили его даже с прикрытого пути. Но на этом должны были остановиться их усилия. В 32-х футовых стенах не было бреша, а ружейный огонь не давал к ним доступа. Французская артиллерия старалась пробить в них брешь, но все усилие, направленные против стен в 18-футов полданы, были тщетны.

Нужно было вывести из огня 16-ю дивизию, которая несла большой урон, и укрить в берегах и в горнице предместья Никольском.

В этом деле мы потеряли полковника Зажрековского, командира 3-го пехотного полка, и подполковника Подданского. В главном штабе был ранен дивизионный генерал Зайончек - в ногу ружейной пулей. Здесь мы имели дело с корпусом Дюхурова, а в особенности с 6-м егерским полком корпуса Раевского.

Другая атака, направленная против предместья Рачинки, в начале шла очень успешно. Генерал Грабовский, во главе 18-й дивизии, с тремя пехотными полками 2-м, 8-м и 12-м, вытеснил неприятельскую пехоту из надднепровской долины и овладел предместьем, но тут к русским подошло подкрепление, состоящее из гвардейских пехот егерей и одной бригады из дивизии принца Евгения Вюртембергского, и сдержало натиск нашей пехоты. Дело шло до рукопашного боя в самом предместье, которое все погибло в огне. Потери с обеих сторон были очень велики, но наши потери были больше.

Погиб общий любимец - генерал Михаил Грабовский. Это был офицер, исполненный талантов и мужества. Погиб также и капитан 3-го пехотного полка Гаварт; 2-го пехотного полка полковник Круковский был ранен в руку пулей. Пало много офицеров и нижних чинов, но ужаснее всего то, что много раненых горело в огне. После обеданого упорного боя, длившегося несколько часов, не жая поддериать

нашу пехоту еще большим потерям, так как она никоим образом не могла бы ни разбить стен пулями, ни овладеть мостом, который был покрыт целой линией прибрежных стен, мы отступили от предместья и укрывсь в извилилах берега.

В этом положении нас застала ночь. Смоленск, зажженный нашими гранатами, был весь облит пламенем. Битва стихла часам к 9-ти вечера. Французам досталось не меньше, чем нам. Маршалы Даву и Ней штурмовали Красноконое и Мстиславское предместья и старались овладеть Малаховскими воротами (средними) и Сигизмундовой башней? [Anemart], но, когда подошел принц Евгений Вюртембергский, они были отнесены и должны были отказаться от дальнейших штурмов. Артиллерия этих корпусов также тщетно пыталась сделать брешь в стенах. Сигизмундова башня была, конечно, самым слабым пунктом, против которого следовало сосредоточить огонь всей артиллерии, а затем штурмовать его достаточными силами. Ошибка, сделанная здесь, стоила нам дороже, чем большая битва. Великая армия потеряла в этом бое 12000 чел., из коих на V-й корпус пришлось до 1000 чел.

Часть ночи я провел на холме над главным оврагом откуда мне открывалось чудное зрелище горящих куполов и башен, обрисовывавшихся на темном фоне неба. Вся ночь царил полный покой. Наши дозоры доходили до крытой траншеи, но все было спокойно. С первыми проблесками дня, отдельные солдаты наши, не видя пред собой неприятельских постов, подвигались постепенно все дальше и дальше, прошли крытую траншею и рамы и дошли до одного из отверстий пробитых в стене. Город был пуст. Бароной, ночью, с величайшей тишиной, в полном порядке, приказал своим войскам выступить и двинулся на Московский тракт, скрывая за собой мосты.